

К вопросу о ходе дивергенции общепермского праязыка

Сущность понятия праязык или язык-основа раскрывает самое общедоступное определение: «Праязык (язык-основа) — язык, из диалектов которого произошла группа родственных языков, иначе называемая семьей» [5: 391-392]. Праязык является теоретическим и часто абстрактным представлением былого языка-предка современных языков, реконструируемый на основе сравнительно-исторического изучения как письменных источников, так и современных диалектов и литературных языков. Хотя чаще всего в науке о языке говорится о гипотетическом представлении языка, реконструируемом на разных языковых уровнях, по различным письменным текстам не вызывает сомнений реальность таких праязыков как санскрит, латынь и старославянский язык. Уральский / финно-угорский и прапермский же языки-основы не документализированы письменными источниками и являются лишь продуктами праязыковых реконструкций.

Общим представлением о праязыке является совокупность нескольких постулатов: 1) он должен соответствовать основным типологическим лингвистическим закономерностям или особенностям как древних, так и современных языков семьи; 2) он существовал в реальном историческом времени и географическом ареале; 3) он имел в качестве носителей языка-основы конкретный социум, также гипотетическую лингво-этническую и культурную общность людей. Отделяясь от праязыка на самостоятельные языки, последние могут стать также основой развития других самостоятельных языков. Подобные «новые» праязыки в науке именуют еще промежуточными или новыми материнскими праязыками.

Праязык – гипотетическое языковое образование, обычно исторически не зафиксированное в текстах, но предположительно существовавшее в определенное время и имевшее свою структуру. Допускается, что в праязыке уже различались отдельные диалекты. Его обычно и реконструируют ученые. Реальность таких гипотетических праязыков доказывают сохранившиеся тексты некоторых ныне уже мёртвых праязыков, например, латыни и старославянского языков, которые дали развитие современным романским и славянским языкам. В финно-угроведении теория праязыка и генеалогического или родословного древа развилась в течение XIX века, когда в европейской лингвистике сложилось традиционное сравнительно-историческое языкознание сначала в Германии, в стенах Лейпцигского университета, усилиями ученых, которые называли себя младограмматиками. Влияние индоевропейского сравнительно-исторического языкознания на финно-угроведение было очень сильным.

Идея о былом существовании прапермского языка-основы выдвинута и обоснована финским языковедом Юлиусом Вихманом на основе изучения им

обоих пермских языков и особенно на исследовании древнебулгарских заимствований [18: 145-147]. Далее она была дополнена и подробно изложена В.И. Лыткиным в его «Исторической грамматике коми языка» [4: 24-25]. В принципе существование общих пермских булгарских заимствований и объяснение их появления является очень важным пунктом в различных теориях. Далее приведем различные мнения ученых относительно разделения общепермского языкового континуума.

Датировку возникновения общепермского праязыка относили или к 1500 гг. до н.э., или в более поздних работах передвигали на 500 лет раньше [16: 19], однако по этому вопросу особых разногласий и дискуссий у финно-угроведов не было. Другое дело сложилось с определением времени распада праязыка на дочерние языки. Еще Ю. Вихман считал, что проникновение древнебулгарских заимствований в общепермский язык могло иметь место только с VIII в. н.э., поэтому распад материнского языка на самостоятельные языки, по нему, мог быть спустя некоторое время после этой даты, так как количество общепермских общих булгаризмов немного, оно не превышает 20-22 единиц [18: 145-147]. Приведем их в том порядке, в каком они представлены в статье венгерских ученых К. Редей и А. Рона-Таш: 1) удм. *удыс*, к. *адас* «постать»; 2) удм. *бам*, к. *бан* «щека»; 3) удм. *сюрло*, к. *чарла* «серп»; 4) удм. *энер*, к. *оныр* «седло»; 5) удм. *губи*, к. *гоб* «гриб»; 6) удм. *кун* «государство», к. *кан* «царь»; 7) к. *карта* «хлев; дом, двор»; 8) удм. *кеч*, к. *коч* «заяц»; 9) удм. к. *кись* «бердо»; 10) удм. *культо*, к. *кольта* «сноп»; 11) удм. *куды*, к. *куд* «лукошко»; 12) удм. *кудыр* «бобр»; 13) удм. *кузё* «хозяин», к. диал. *kuži* «лесной дух, леший»; 14) к. *сирись* «олово»; 15) удм. *силь-*, к. *сьыв-* «буря»; 16) удм. *серы* «шпулька, цевка», к. *сюри* «уток, намотанный на цевку»; 17) к. *тылым* «прядь, клок»; 18) удм. *тысь*, к. *тусь* «зерно, семя»; 19) удм. *усьты-*, к. *восьт-* «открывать» [17: 282–288]; 20) удм. *иське* «значит, следовательно», к. *эськё* «бы»; 21) удм. *кушман* «корнеплод; редька», к. *кушман* «редька»; 22) удм. *секыт*, к. *сьёкыд* «тяжелый, трудный» [17: 31–32]. Кроме этих лексем, венгерские ученые приводят также девять более поздних заимствований, которые зафиксированы лишь в удмуртском языке и коми-пермяцких диалектах и письменных памятниках: 1) удм. *чебер* «красивый», кп. *чебер* «гордый, своенравный»; 2) удм. *каб*, кп. *каб* «колодка; форма (для плетения лаптей)»; 3) удм. *кенак* «тетя, тетка», кп. *кенак* «невестка, жена брат; сноха»; 4) удм. *кубо*, кп. диал. *коба* «прялка»; 5) удм. *сугон* – кп. письм. пам. *suğon* «лук»; 6) удм. *сусо*, кп. *суса* «ткацкий челнок»; 7) удм. *сюр-* «неродной»: *сюранай* «мачеха», *сюратай* «отчим», кп. письм. пам. *šor-*: *šor-aj* «отчим», *šor-n2l* «падчерица»; 8) удм. диал. *турто* «оглобля», кп. *торта* «пихало, пехло (для сгребания зерна)»; 9) удм. *улмо*, кп. письм. пам. *ulmu*, *ulmus* «яблоко» [17: 33–36]. Относительно приведенных в этом списке тюркизмов венгерские специалисты отмечают, что они могли быть заимствованы удмуртами и коми-пермяками из среднебулгарского языка одновременно, в X–XI вв., а также приняты коми-пермяками от удмуртов [17: 32–33].

В.И. Лыткин объяснял распад общепермского праязыка следующим образом: «Общепермский язык-основа распался ок. IX-X вв., а движение предков коми на север (возможно, сначала на более близкий север) началось еще раньше... Как долго длился общекоми период? Он, по-видимому, продолжался недолго, всего одно-два столетия когда-то около IX-XI вв.: в своем поступательном движении на север предки коми быстро расселились среди дремучих лесов бассейна Северной Двины и Мезени, — с одной стороны, и бассейна средней и верхней Камы, — с другой, в связи с чем прекратилась между территориально раздробленными частями коми народа та тесная связь, которая необходима для протекания единых процессов в языке» [4: 24-25]. Такая версия дивергенции пермских народов, с позиций сегодняшнего дня представляется очень простой и схематичной, в некоторых деталях явно неверной, однако она отражает научный уровень историко-лингвистического анализа того периода. Многие годы представленная выше теория являлась классической, да и во многих современных работах она принимается за основу, например, в монографиях Р. Бартенс и Ш. Чуча [16: 19; 14: 13]. Однако в работах других исследователей, археологов и лингвистов предпринимались попытки дополнить или обновить эту теорию, а то и предпринять попытку ее полной ревизии, и прежде всего это относится к освещению процесса дивергенции прапермского языка-основы.

Далее рассмотрим концентры проблем по двум основным параметрам: предполагаемой датировке существования праязыка и предполагаемой прародине носителей праязыка, древних пермян, которые тесно связаны друг с другом.

Некоторые археологи и лингвисты пошли по пути удревления периода распада прапермского единства и, соответственно, праязыка. Так, археологи Р.Н. Голдина и Э.А. Савельева утверждали, что ананьинская археологическая культура, с которой связывали прапермскую этнолингвистическую общность, распалась в конце III в. до н.э. [3: 10-11; 11: 13], т.е. на тысячу лет раньше, чем предполагали Ю. Вихман и В.И. Лыткин. Эти исследователи на основе данных археологии расширили и территорию прапермской прародины. В частности, по мнению Э.А. Савельевой, территория распространения прапермян (протоэтнуса предков удмуртов и коми) занимала обширную зону, доходя на севере до Печоры и Вычегды. Она отмечает: «Археологи пришли к выводу, что прапермские племена сформировались на гораздо более широкой территории чем бассейн нижней Камы и Вятки» [10: 28]. При этом изменение в археологических культурах прямо идентифицировались с изменением этнической и языковой картины в исторической ретроспективе. Принципиальную ошибочность таких экстраполяций отмечает В.В. Напольских: «сам по себе археологический материал не содержит никакой информации о языке и этнической принадлежности этих групп» [7: 179]. Лингвистические данные упомянутые археологи вообще не привлекают, об общепермских булгаризмах даже не упоминая, считая этот материал, вероятно, неважным в своих теоретических нововведениях. Эти положения археологов

некоторые лингвисты восприняли как истину в последней инстанции и, уже опираясь на них, стали выдвигать новые теоретические постулаты. Речь идет о точках зрения удмуртских лингвистов Р.Ш. Насибуллина и М.Г. Атаманова.

Так, Р.Ш. Насибуллин, веря археологам, что до прихода болгар в Среднее Поволжье пермяне занимали обширные территории от устья р. Уфы на юге до р. Мезень на северо-западе, выстраивает длинную цепочку пермских диалектов и считает, что коми переняли болгаризмы не непосредственно от болгар, а от южнее проживающих удмуртов. Он полагает, что болгаризмы «вместе с реалиями преодолевали огромный путь от берегов Нижней Камы да Северного Ледовитого океана», что затем русские заимствования вытеснили из коми языка другие, ранее освоенные болгаризмы [9: 155-157]. Последнее предположение вполне очевидно, так как например, болгарское заимствование *ѡныр* «седло» сохранилось лишь в лузско-летском диалекте коми языка, в других же употребляется русское заимствование *седлѡ*, болгарское заимствование *коба* «прялка» встречается в коми-пермяцких диалектах, а в зырянских диалектах имеет исконно-языковое соответствие *печкан* «прялка». По мнению Р.Ш. Насибуллина, причина распада общепермской языковой общности кроется в неравномерном развитии отдельных диалектов и звеньев общепермского языка-основы в течение всего общепермского периода, самостоятельными языки становятся уже с III-I вв. до н.э. [9: 157]. Данная точка зрения уже не раз подвергалась критике самими удмуртскими лингвистами, в частности, В.К. Кельмаковым, который обоснованно полагает, что в те далекие времена немногочисленные пермские племена никак не могли поддерживать однородную языковую среду на столь огромных пространствах. Добавим сюда, что такой однородной среды не было у коми-зырян вообще, нет ее и сейчас. Теория Насибуллина никак не объясняет, почему большинство коми болгаризмов известно во всех коми-диалектах, зырянских и пермяцких, причем не имеет фонетических и семантических отличий.

М.Г. Атаманов в одной из последних статей, полностью поддерживая мнение археолога Р.Д. Голдиной о распаде общепермской общности в III вв. до н.э., делает смелый вывод о том, что удмуртский язык самостоятельно развивается уже 2300-2200 лет [1: 18]. Затем его исторические поиски идут дальше: на основе схожих по звучанию топонимов в разных местах Европейского Севера (*Тойма*, *Сума*, *Пог* ~ *Пога*, *Кез* ~ *Кеза* и др.) он утверждает, что прапермское ананьинское население, то есть прямые предки современных удмуртов, проникли в северо-западные части России, вплоть до Карелии, Финноскандии, островов на Белом, Баренцевом морях и оставили там после себя многочисленные топонимы [1: 19]. Иными словами, он расширил прародину древних пермян до фантастических размеров. У меня нет никаких комментариев к этой новомодной теории в силу ее фантастического характера. Отмечу лишь, что мнения Р.Ш. Насибуллина и М.Г. Атаманова основываются на очевидном лингво- и этноцентризме.

Нижеследующие точки зрения на ход дивергенции прапермского языка-основы таких ученых как С.А. Максимов, С.К. Белых и В.В. Напольских

основываются на результатах исследования современных пермских диалектов и литературных языков и знаменуют новый шаг в изучении проблемы. Их выводы направлены на приближение времени распада общепермского языка-основы к современности. Эти исследователи не считают выводы отмеченных археологов истинными и ставят во главу угла языковые данные, говорящие о большой близости коми и удмуртского языков, что дает основания сомневаться в утверждениях о том, что пермские языки обособились более чем 2000 лет назад. Если бы это было действительно так, то современные языки разошлись бы чрезвычайно далеко друг от друга, образовались бы многие небольшие языки, такие как прибалтийско-финские, а пермские диалекты образовали разношерстную совокупность, наподобие современных хантыйских.

Удмуртский языковед С.А. Максимов в своей кандидатской диссертации изучил северноудмуртско-коми ареальные лексико-семантические параллели и пришел к выводу, что с распадом общепермской этнолингвистической общности связи между удмуртами и коми не прекратились, дивергенция не привела к территориальному размежеванию близкородственных народов, интенсивные связи между которыми прекратились не ранее XIV в. [6: 17-18]. Общая лексика в северноудмуртских и южнокоми диалектах представлена архаизмами (61 %), инновациями ареально-генетического характера (18 %) и заимствованиями (21 %) [6: 16]. Эти положения отвергают тезис о территориальном разделении двух пермских языков, к тому же предки коми-пермяков и коми-яввинцев ни на какой север с территории Прикамья не уходили.

Фактор близости двух пермских языков дал повод археологу по основной специализации С.К. Бельх подробно исследовать проблему распада прапермской этноязыковой общности, в довольно объемной монографии, причем выводы исследования сделаны прежде всего на основе лингвистического анализа и на материалах исторических документов. Для определения времени распада общепермского праязыка С.К. Бельх впервые в пермском языкознании применил метод глоттохронологии по 100-словному списку М. Сводеша. На основе глоттохронологических подсчетов он выводит точную дату распада праязыка – конец X – начало XII в. [2: 54]. Однако в заключении этой работы датировка у него другая. По его мнению, общепермский континуум только начал разрушаться с XI-XII вв., а окончательное разделение прапермян на пракоми и праудмуртов произошло в XIV-XV вв., причем главным фактором в этом процессе послужила христианизация коми [2: 120-121]. Последний пункт является совершенно неверным уже лишь потому, что сохранившиеся древнекоми письменные памятники, датируемые как раз XIV-XVI вв., демонстрируют нам наличие самостоятельного коми языка, совершенно отличного от удмуртского. В вопросе о прародине пермян С.К. Бельх принимает точку зрения уже упоминавшихся выше археологов Голдиной и Савельевой. Здесь уместно просто процитировать самого автора: «в начале II тыс. н.э. пермские племенные группировки расселились на огромной территории от Вычегды и Печоры на

севере до Нижней Камы на юге, от р. Юга Вятско-Ветлужского междуречья на западе до Урала на востоке. Однако, любые соседние племенные группы пермян по-прежнему сохраняли тесные связи и максимальную культурную близость друг к другу, говорили на весьма сходных диалектах» [2: 120]. Это также неубедительное положение, так как на основе исторических сведений коми заселили долины Ижмы, Печоры, верхней Вычегды относительно поздно.

Хотя по основным пунктам мнение В.В. Напольских сходится с теорией С.К. Белых, в одной из последних статей автора есть некоторые новые моменты. На основе названий двух деревьев дуба (к. *тупу*, удм. *тыпы*) и кедра (к. *суспу*, удм. *сусыпу* «можжевельник») и исторических ареалов их произрастания и распространения В.В. Напольских первоначальную прародину носителей общепермского праязыка локализует очень конкретно: это Среднее Прикамье, территория между и вокруг городов Пермь и Сарапул [8: 12]. Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно заметить, что прапермская прародина, по теории Белых-Напольских, после прихода в Прикамье волжских булгар радикальным образом расширилась, что также маловероятно. Более того, явно надуманным является трактовка истории древних коми или протокоми. Так, В.В. Напольских предполагает, что после прихода в Прикамье булгар одна группа пермян (протокоми) переселилась на Нижнюю Каму, другая переселилась на Вычегду, где и сформировался собственно коми этнос и появилось само название *коми*. Причем связей между двумя коми группами якобы не было. Затем в XIII-XIV вв. часть вычегодских коми обратно повернула на юг, переселилась на северную часть территории нынешнего Коми-Пермяцкого округа и сформировала нынешний коми идентитет, привнеся также этноним *коми*. С этим витиеватым путем обретения родины всеми коми-пермяков трудно согласиться.

Из изложенных в научной литературе различных мнений следует здесь указать и одну работу венгерского финно-угроведа Габора Берецки «Türkische Züge in der Struktur des sytjänischen und uhr Ursprung» (Тюркские черты в структуре коми языка и их происхождение). Г. Берецки был большим знатоком марийского, удмуртского и волжско-тюркских языков, так что его анализ и выводы не подвергаются сомнению. В своей небольшой статье автор справедливо указывает, что кроме 22 общепермских булгарских заимствований, которые сохраняет коми язык и о которых уже не раз упоминали выше, в структуре языка есть многие типично тюркские характерные особенности. К ним автор относит: 1) деепричастный суффикс *-са*, 2) изафетные конструкции, 3) противопоставление форм очевидного и неочевидного прошедшего времени, 4) аналитические сочетания причастий с глаголами с общей семантикой долженствования, необходимости, 5) одинаковые причастные, деепричастные формы и конструкции, образуемые от них. Например, деепричастия последующего действия (к. *-тӧдз*, удм. *-тозь*, мар. *-мешке*, чув. *-ичен*) представлены лишь в пермских и марийском языке и нигде в других финно-угорских языках. Далее он делает следующий вывод: «тюркские черты коми языка так значительны, что они не связаны с

22 заимствованиями» [15: 74-75]. В качестве возможного исторического объяснения такому явлению Г. Березки приводит следующее: «В случае с коми языком необходимо исходить из болгаро-тюркского субстрата. Должна быть область, в котором жил смешанный народ прапермян и болгаротюрков. Где пермяне были в большинстве, там прапермский язык стал главенствующим языком, где болгаро-тюрки жили в большем количестве, их язык выиграл борьбу. В современном чувашском языке очень малопрапермских заимствований. Без этих условий заимствование морфологического элемента было бы невозможно объяснить» [15: 76]. Между тем среди удмуртских ученых до сих пор бесспорным является мнение, что так называемые тюркские особенности в морфологии и синтаксисе распространились лишь на удмуртские диалекты вследствие длительных контактов. Так, И.В. Тараканов, признанный специалист в изучении удмуртско-тюркских языковых взаимосвязей, автор множества трудов по этой теме, в своей статье «Основное направление развития морфологической системы пермских языков» приводит обширный материал из разных частей речи, говорящий о большом тюркском влиянии на грамматику удмуртского языка. Тем не менее, на мой взгляд, почти 70 % упомянутых И.В. Таракановым явлений изначально присуща также и коми языку, например, в системе глагола это составные лексикализованные словосочетания с глаголом в качестве центрального элемента, неочевидное время, аналитические прошедшие времена. Поэтому вывод удмуртского языковеда о том, что тюркские черты в изобилии развились лишь в удмуртском языке, а в коми их нет [12: 182], вызывает обоснованные сомнения. На самом деле грамматика коми языка также изобилует тюркскими особенностями, как и грамматика удмуртского.

Таким образом, и теории Насибуллина-Атаманова, и теории Белых-Напольских имеют множество слабых мест, а это говорит о том, что достойная альтернатива классической теории дивергенции общепермского праязыка, выдвинутой Ю. Вихманом и В.И. Лыткиным, пока в пермском языкознании не найдена. У прежних исследователей истории пермских языков есть два больших методологических недостатка: во-первых, при освещении болгарско-тюркского влияния на коми язык они обращали внимание лишь на лексические заимствования, оставляя в стороне морфологию и синтаксис, во-вторых, современное положение (наличие 20-30 болгарских заимствований) они механически переносили на тысячелетие и более лет назад, не учитывая то обстоятельство, что лексика любого языка изменяется достаточно быстро. Коми диалекты очень близки до сих пор, коми-пермяки и зыряне свободно общаются между собой без привлечения языка-посредника. Ни один исследователь-финноугровед не сомневается в близком родстве коми и удмуртов. Если же предки двух коми этнических групп обособились друг от друга даже в XI-XII вв. н.э., мы бы имели или совершенно различные языковые образования, или очень разнящиеся диалекты наподобие современных хантыйских. К сравнению, современные восточнославянские языки (русский, украинский и белорусский) начали постепенно обособляться от единого

древнерусского праязыка лишь в XV-XVI вв. и окончательно сформировались как самостоятельные языки лишь в XVII-XVIII вв. н.э. [13: 52].

Литература

1. Атаманов М.Г. В союзе археологии и лингвистики: топонимические сведения в решении проблемы этногенеза удмуртов // Этногенез удмуртского народа. Этнос. Язык. Культура. Религия: Сборник статей и материалов Международной научной конференции, посвященной 65-летию доктора филологических наук, ученого-филолога, автора эпоса «Тангыра», переводчика Библии на удмуртский язык, члена Союза писателей России Атаманова Михаила Гавриловича. Ижевск: изд-во «Удмуртский университет», 2011. — С. 17-33.
2. Белых С.К. Проблема распада прапермской этноязыковой общности. Ижевск, 2009.
3. Голдина Р.Д. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по данным археологии) // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, 1989.
4. Лыткин В.И. Историческая грамматика коми языка. Часть первая. Введение, фонетика. — Сыктывкар, 1957.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / Отв. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990.
6. Максимов С.А. Северноудмуртско-коми ареальные лексико-семантические параллели. Автореф. канд. дисс. Ижевск, 1999.
7. Напольских В.В. Введение в историческую уралоистику. Ижевск, 1997.
8. Напольских В.В. К начальным этапам этнической истории коми // Арт. 2010. № 2. С. 10-21.
9. Насибуллин Р.Ш. К вопросу о времени распада общепермской языковой общности // Congressus septimus internationalis Fenno-ugristarum. 3С. Sessiones sectionum. Debrecen, 1990. С. 153-158.
10. Савельева Э.А., Королев К.С. По следам легендарной чуди. Сыктывкар, 1990.
11. Савельева Э.А. Европейский Северо-Восток в эпоху средневековья. Научный доклад на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1995.
12. Тараканов И.В. Основное направление развития морфологической системы пермских языков // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. Т. 2. М., 1990. С. 180-182.
13. Тираспольский Г.И. Начальный курс языкознания. Сыктывкар, 1999.
14. Bartens R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. Helsinki, 2000.
15. Berezki G. Türkische Züge in der Struktur des syrjänischen und uhr Ursprung // Rédei-Festschrift. Wien-Budapest, 1992. S. 71-76.
16. Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest, 2005.
17. Rédei K., Róna-Tas A. A permi nyelvek őspermi kori bolgar-török jövevényszavai // NyK. 1972. № 2 (74). 281-298 old.
18. Wichmann Y. Die Tschuwassischen Lehnwörter in den permischen